АКТ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ · МАЙ – АВГУСТ 2003 ГОДА · САНКТ–ПЕТЕРБУРГ

Поэзия. Поэзия!
Оэзия поэзия
эзия оэзия!

Эзия, эзия,
эзия зия!
Зия, зия,
и я – зия...

И я, и я,
я и я,
я, я
я

.....

Александр Кондратов

(Из 1 -го тома Антологии «У Голубой Лагуны», составленной К.К.Кузьминским и Г.Л. Ковалёвым)

За полвека истории самиздата сложились привычные оценки, ненарушаемая иерархия имен и талантов, но по прошествии времени исчезает скромное обаяние литературного мифа и остается только текст, текст как таковой, хочется сказать – голый текст. Читатель волен сам передвигать фигуры на шахматной доске – кого в дамки, кого в пешки... И тут уж всё, что можно назвать затекстовой реальностью, может оказаться ни при чём. Нужно только, чтобы текст сохранился... Чтобы имя автора не исчезло из памяти... Несколько сотен имен петербургских литераторов сохранит Энциклопедия Самиздата, с выходом которой из печати мы рады поздравить и её авторов, и друг друга.

Большинство имен поэтов, публикуемых АКТом, читатель найдет в ЭС, новым является имя Александра Гиневского и мы благодарны Владимиру Эрлю за предоставленные тексты. Сочинения Анри Волохонского, Алексея Хвостенко, напечатанные в 10 номере, также предоставлены Владимиром Эрлем.

АКТ знакомит читателя со стихами одного из пионеров самиздата – Бориса Тайгина, новыми текстами Дмитрия Голынко и литературоведческими наблюдениями, посвященными творчеству Владимира Эрля. Часть публикуемых материалов получена от К.К.Кузьминского или, с его согласия, почерпнута из «Голубой Лагуны». Впервые публикуется и поэма К.К.К., которую можно рассматривать и как своеобразное дополнение к истории самиздата. Мы намеренно избегали даже намека на пафос, связанный с цифрой 10, предполагая, что живое течение жизни предпочтительнее поминок.

Тамара Буковская

В НЕБЕ БРЁВНЫШКО ЛЕТАЕТ

До чего же я везучий!
Скажем, вот, смотрю в окно,
Но не солнышко мне — тучи,
Тучи светят и... бревно:

Павой плавно проплывает
Над палаткой овощной,
Над бабулею в трамвае
С перевязанной щекой;

Над аптекой, магазином,
Над младенцем на руках
И над парком, где осины
От берёзок в двух шагах...

Словом, плавает бревнище
Перед носом у меня...
Да оно... везучих ищет
Среди пасмурного дня!

Ищет, тихо напевая:
“Я воробышком лечу-у...
Стой, везучий, на тебя я
Очень брякнуться хочу!..”

Вот и выскочи по делу,
Прогуляйся заодно,
Если в небе всю неделю
Тучи, дождик и бревно...

***

Стакан граненый на окне.
И вербы веточку в стакане
Слегка придерживают грани
И влагу держат ей на дне,

А почек белые шмели
Топорщат мягкие щетинки,
Как будто выгибают спинки,
Где крылья хрупкие росли.

И мы опять удивлены
При виде тех шмелей пушистых:
Какой бы снег ни выпал чистый,
Теплей не будет белизны!

***

Глаза гноились. Старой суке
Жить оставалась, видно, мало.
Уж ветром тощую мотало
У конуры вторые сутки.

Щенки, не все, — каких имела, —
Давно в чужих дворах при деле
И лаем молодо звенели,

Но снова думала: “Как им?..
Ошейник не был бы тугим...”

***

Кузнечик бьёт по наковальне,
Гремит зелёным молоточком.
Его тире и дробным точкам
Внимает озеро овальной,

Глубокой раковиной уха.
Вот выждав паузу, чуть сухо
Вступает скупо дятел. Стуком

Боясь нечаянно наехать
На колокольцев синих эхо.

***

Она томилась долго-долго,
Но день настал, и изрекла
Слова весеннего восторга
Раскрепощенная река.

И в синий купол небосклона
Сквозь тонких льдинок голоса
Весь день смотрели удивленно
Её ожившие глаза.

***

Назревала опять непогода.
Ветер вспомнил свою колотушку:
И в кадушку упали полушки
Капель, звякнув о черную воду.

И наседка спешила назад
Воротить желторотых цыплят
Под навес, где без дела висят

Кнут и вожжи, хомут и подпруга
Над тускнеющим лемехом плуга.

***

Поворотясь лицом на юг,
Я чую оттепель щекою,
Хоть лёд, скрипящий под ногою,
Еще и крепок и упруг.

Но в тяге вечной к новизне
Невольно время мы торопим,
И не верна снегам глубоким
Душа, готовая к весне.

***

Памяти Бориса
Викторовича Шергина

Нет. То не лодки
плыли к берегу,
а море,
после стольких дней,
в своих ладонях
бабам Севера
дарило
выживших мужей.

СТРОГИЕ ГЕКЗАМЕТРЫ

***

Где-то на самой
Окраине
Нашего света
Лампочка перегорела
На двадцать свечей.
Паники не было,
Просто,
Кто побойчей,
С обеда домой
Отпросившись,
Жадно газеты
Листал.

***

Начальник
Сквозь подчиненного
Грозно взирает:
Читает проступок
Он на столе
По складам
И нецензурный
Кусок штукатурки,
Замеченный там,
В форму печатную
Медленно
Он облекает.

***

Как ныне сбирается
Некий товарищ Петров
Вернуть Супостатову
Долга четыре с полтиной,
Почти накопил, —
Не хватает
Копейки единой
И, в результате,
Еще не готов.

***

Ключ ли,
Глаза человека —
Замочные скважины
Вечно
При деле.
Вот полная дама,
Подъемля
Объемистый таз
Отставляет,
Впершись,
Как ученый в прибор, —
Иные миры
Открывает.
Полно сердиться!..
Пусть кругозора
Расширит пределы.

***

Металла презренного
Другу
Опять не хватило.
Анафеме предал
Он времени путь
До получки.
О, малодушье!..
Считать,
Что дошел ты
До ручки,
Когда у тебя
Под столом
Десяток порожних
Бутылок.

***

Думал:
Прочтя все сорок томов
Энциклопедии,
Приобретет
Лишних извилин
Честным путем...
И зависть уже
Свернулась
Змеиным кольцом:
«Вот здесь!..
У него не хватает...» —
Шептались соседи.

***

Среди некурящих
Курящим
Приходится туго.
Мелочь, конечно,
Но плату взимают
За дым:
Больше бюджет
У курящего
Пунктом одним.
Трудно назвать
Посему
Некурящего
Другом.

***

К.К.Кузьминскому

Перст указующий
На две фаланги — не лгу —
В отверстие носа
Засунув,
Вращает дитя
Так увлеченно.
Старец — при нем —
Не скажет: «Нельзя!» —
Лишь, трогая бороду,
Молвит:
«Вытащить дай помогу».

3

Совсем посторонняя

1
совсем не посторонняя
принципиально чужая
пальцем не тронута
к стенке прижата

на щекотку реакция
положительна, вздох не
поднимает грудь, раком встать
и выкидывать закидоны

наловчилась, колготками
красными дразнилась
встречалась раз в год и так
не скажу, чтоб в обнимку

под ситуацию лечь пришлось
отвечать по всем пунктам
первым, спросив, лешего
какого на спуске

держала курок и так спущенный
заблаговременно отстрелялась
от деторожденья, пулею
выскочила, приляг на

лопатки, вредители
недовредили, крендель
выписывала всем, иди давай
здорово огрели

типа правдою, подражателям
туго придется, плакса
выплачется, и в жар, и в хлад
и враг не пожелает

счастья такого, пути назад
километры и километры
отлично, умело тискалась
проявляя отвагу, смелость

и нетерпенье, важно ли
что перепала другому
самолетик бумажный взял
направленье на город

побомбить, не оставить на
камне помет птичий
спугнуть под почвой крота и мышь-
землеройку, коленками обхватила

торс, так себя обрела в чужой
вере, трухляв буратино
за восторг явно переплачено
блестит на зубах пластинка

планомерная, всеядная
неразборчивая в связях
попой вверх на даче, над грядкою
не стояла, говяжий

бульон остывает, сдержанный
стон раздается, носик
кверху задран, надежда есть
что проснется

2
стервец ее натянул
иль просто кто посторонний
мост ватерлоо на то и
мост, чтоб не дать утонуть

в объятиях, ваза без дна
и покрышки вбирает
влагу, туда, а не обратно
намылился бедняк

на заработки, жердяй
чешет что принято, в комнатуле
лежать, ползти, ату и
другие команды твердят

песику, если он есть
хроменькая камена
сморкается, на коне, на
пони объездив манеж

порываются ехать вдаль
а вдали ее слишком, ноги
сомкнуты, порнограф
подслеповат, лепит мудак

не лабуду, а горшок
дневной, щедро за все так
отблагодарила, и колбасенка
шевелится, сильный жор

напал, бледнолицый вождь
племени, стертого с карты
игральной, в углу наскальной
стенгазеты выводит ворс

женский и две губы
принадлежащие неизвестной
породе, любила сверху
и снизу пора забыть

это зрелище, папский кастрат
подвывает, планцы строит
на отпуск, лучше не тронь тот
предмет, верный гарант

поступления, когти рвать
надо бережней, бандюганы
под овечек косят, нога в дверь
ту не ступит, осушен первач

кто ее, бум-бум, и когда
выматерился устроитель
мероприятия, кроил ткань
отношений, полный бардак

от сбоя курантов, контракт
утвержден, вина кубани
в розлив, вкусен кебаб, но
пресноват, точно метраж

измерен, на ней подтянул
колготки синие, обжечься
раз и навсегда, жертв нет
по идее, нагнали волну

3
тяжело на сердце или в желудке
посторонняя села в углу послушать

что скажет, связала обязаловка руки
давала не по любви, по дружбе

по дурости, унесла по злу по здорову
руки-ноги, отделала малой кровью

по уши, толклась на одном месте
посторонняя скажет, за жаждой мести

следует жажда любви, скажет правду
мужчине, что он ничтожество, что страшно

скучно с ним рядом ляжет в одетом виде
и вид не очень, и много визга

травку покурит, горбатый шнобель
высморкнет, раздуваются ноздри

у посторонней от нежности пыльной
покрывающей слизистую как запивка

после ста грамм, приготовив с беконом
яичницу, посторонняя в корне

меняет жизнь масла на сковородке
не готовой на подвиг шкварке героем

стать придется, идет пузырями боржоми
осушает стакан посторонняя, сетку ожогов

оставляет на теле, тебе не сладить
с ней, говорят, так что залазь на

еще одно, только строго меж нами
посторонняя смотрит на сторону на свет

4
посторонняя сказанула, хамеж
отменнейший, выпит морс

клюквенный, на огневой
точке остаток войск
разлагается, спецназ
грабит аул, кунак
свой золотой в шашлык
вонзает, свет из-под глыб
пробивается, на глазах
на предмет упавшая слеза
от него отскакивает, зачел
спецподготовку, плечом
дверь вышибают, дохнул
на зеркальце заднего вида, гнусь
вьется вокруг, со стола бряк
мелочишка, по морде хрясь
с разворота, прыскает в кулачок
брюнет, в донжоне и черт
репу сломит, такая хрень
повылезла, наколенник треть
колена оставляет голым-
голо, кровопийца прослыл
добрячком, возвратил должок
посторонней, хотя ничего
никогда у ней не занимал
над водой стоит мат-перемат
когда тянут невод, взять, подойти
к теплому телу, зажать в горсти
что выступает, с руки браслет
соскользнул, проканает лечь
поодиночке и ну вдвоем
проснуться, в охапку сгреб
постороннюю и ее давай
накручивать на, подвезли товар

5
посторонняя трезвенница
свойская пьянчушка
сама себе анекдот
так хороша, заверченный
характер, и чувства
сколько, хотя, пардон

преобладает желание
быть примерным
членом семьи
не президентской, лакомой
в плане большой сметы
удобств, кумир

кланяется, комфортабельных
связей и встреч с внешним
миром раз-два
и обчелся, в тазике
замоченный в некро
перспективе развал

белья, с улыбочкой
поднимает планку
требований господин
хороший, плыли по
течению, облава
устроена, редис

изъеден, умничка
дланью проводит между
выпуклостей, заскок
сам не лечится, врут они
что рехнулся наместник
провинции, скотч

изолятор обматывает
обеспечивая стабильность
и напряжение, плот
забракован, по математике
линии сходятся, обидно
когда слишком тепло

снизу, не поздоровится
выборщикам, урну с
голосами несут
мимо, по ряду причин ровная
дорога позволила дурно
о себе отозваться, не суть

как важно, урезана
прибыль, валетом
спят, в огне
она не горит, в резкости
не уступает, вслед за
ней только то, что вне

ПАМЯТНИК

моим машинисткам,
н., э., ш., м., и так далее

еврейской девушке курсистке
я памятник воздвигну низкий
с главой на уровне мениска
и с телом белым голым склизким

я в руки дам ей машинистке
цилиндр некий маслянистый
нести посланием в век**а** ли
глаза полузакрою в**е**ками

в коленопреклоненной позе
подобна нерасцветшей розе
пред ней мошонка и машинка
и робко кашляет мущинка

вкруг рукоп**и**сей лепестки
висят кормя её соски
на голове стоит стакан
плоскоголов сей истукан

зад оттопырен для удобства
куда совать туда введомый
все три отверстия раскрыв
она листает манускрипт

она читает вслух но внятно
"а если поточней, не ватный
кляп" робко отводя от губ
(надеждой пастернак могу)

она кривулина читает
она охапкиным полна
она вводимый вычитает
"гряди багряная жена"

на груде рукописей раком
"алея исполинским маком"
она кормилица и львица
в руках же пальма но не вица

жирна подобно эстер телом
она всегда занявшись делом
персты по клавишам порхают
печатая *(пример)* пархоменко

принадлежаща к расе книжной
она и половиной нижней
послужит русским словесам
её власами жив самсон

она давала *(не далила!)*
она отросток лишь доила
она охотница диана
и зрительница у деммени

таганки клакерша квашнёю
она всходила над союзом
рабочей взяв её клешнёю
за клитор или недоуздок

влекли *по тропам и по трупам (в.п.)*
пупом поэзии сияя
она всех муз была патроном
кормя обширными сис**я**ми

она читательница чтица
поительница бормотухой
она продав за клипсы чипсы
зудит исправной бормашиной

поэзию а также прозу
перепечатав на халяву
она собой являет озу
(до зои злобной и мухлявой)

она на члене евтушенко
исполнит евразийский танец
и вялая его мошонка
над океанами восстанет

дабы приветом русской музы
ярясь на ядрах *бабьим яром*
она шары пущает в лузы
пиитам далеко не старым

она старается и тщится
уста постигли эсперанто
международная площица
по ней гуляет эскадроном

ей жив внимательный читатель
а *эрика* берёт давая
коржавин ставит в знаменатель
из уст свой *икс* не вынимая

она самойлова и сола
равно почтив двумя ушами
им премии даются в осло
её невинными кушами

её натруженными дважды
не окольцованными вдово
растёт её архив бумажный
воздастся ей сторицей вдвое

фаллологиня лесбиянка
живя с машинкой поневоле
ты лишена моих лобзаний
ромашкой вянешь полевою

в пространствах бывшего союза
эсфирь наталья и ядвига
еврейская по мужу муза
я памятник тебе воздвигну

дабы читатель сих вокабул
знал чьи персты сей луг орали
не оценив твой дар вокальный
анальный или же оральный
чернильный *(в прошлом)* вагинальный
ваганты бродят *(тя без)* немо
ты *самсебяиздат* валгалла
ты в крупных звёздах нёбо *(небо?)*

стучит машинка *(прей, мошонка*)
еврейской девы зад лишь волен
в котором прячешь ты от шмона
невидных гениев довольно

прощай читательница чтица
здесь на брегах чужия реки
изрядно пишется не чтётся
ушми повяли человеки

мне не хватает уст ушей ли
(о прочем умолчу краснея)
твоей давно уже замшелой
но потребительской корзинки

да было время в неком доме
стучали три машинки сразу
а в промежутках был введомый
в ту алую в потёмках розу

в *марину олю или сашу*
мне память дряхлая не скажет
зрачок внимательно был скошен
на таковой который всажен

в уста который был ей вложен
заместо эскимо в оплату
и мех ея был мокр и влажен
и меж его росли опята

читательница машинистка
твоим трилистником балдея
учительница ученица
листами памяти хладея

как не хватает мне машинки
стрекочущей сверчку подобно
и пэтэушницы мещанки
с едва расцветшею *пиздою*

тому уж четверть века в прошлом
тому полжизни миновало
и не воспрянет вялый поршень
твоим касаньем мануальным

твоим устам в стихах и сперме
не прошептать: *"довольно, батя..."*
твоё старанье и сопенье
лежу погрязнув в целибате

и памятник тебе *прошедшей*
словами тихо воздвигаю
... и замело виски порошей
в моём заброшенном вигваме

/24 апреля 1998, поутру/

ПЕРЕЧЕНЬ СУЩЕСТВ И РАСТЕНИЙ, населяющих произведения *Владимира Эрля* (в том числе и написанные в соавторстве)

В нижеследующем перечне не рассматривались прозаические сочинения, написанные после 1995 года, и, разумеется, всевозможные заметки, комментарии и т.п.

Поскольку перечень не является частотным словарём, то или иное наименование, повторяющееся (иногда более двух и трёх раз) на протяжении одного произведения, учитываются как одна единица.

Варианты словарных единиц даются в скобках.

Часть первая
Высшие существа

кот (ангел Фергус; кот Епифан; котёнок; коты; котята; собрат Фома): 14
кошка (кошки): 8

Часть вторая
Представители Фауны

1. *Гады*

гад (гадины): 2
гадюка: 1
головастик: 1
змеи: 1
крокодил: 1
лягушка: 3
рептилия: 1
уж (ужи): 2
червь: 2
черепаха: 1
ящерица: 1

2. *Грызуны и другие звери*

бобры: 1
гамадрил: 1
гриб (сыроежка): 5
ёж (ежи): 5
зайцы (зайчик; зайчики): 3
кроты: 1
крыса: 1
леший: 3
мартышка: 1
мышь (мышка): 5
русалка: 2
слон: 2
твари: 1

3. *Летучие представители*

аист: 1
воробей: 4
ворон (вран): 5
ворона (вороны): 7
выпь: 1
голубь (голубка; голубок): 7
грачи: 1
грифы: 1
дятел: 5
жаворонок: 2
журавль: 1
зяблик: 1
индюк: 1
кукушка (хототогису): 2
куры (кур; петел; петух): 8
ласточка: 1
лебедь: 4
нетопырь: 2
орлан: 1
орёл: 8
павлин (пава): 3
птица (птахи; пташка; птенец; птичка; птицы): 40
сова: 1
сокол: 2
соловей: 5
сорока: 3
стая (стаи): 2
утки (селезень; утёнок): 6
филин: 1
цапля: 2
чайка: 3
чиж: 1

4. *Млеконепарнокопытные*

конь (зебра; кобыла; лошадь; Пегас;пони; Цилин): 32
носороги: 2
осёл: 1
тапир: 5

5. *Насекомые*

бабочка: 3
букашки: 2
вши (гниды): 3
жук (жужелицы; жуки водяные): 4
клопы: 1
комар (Кикимор; комары): 5
микробы: 1
муравей (муравейник): 3
мухи (муха): 6
оса: 1
паук (пауки): 5
пчела (пчёлка; пчёлы; шмель): 6
рой: 1
слепень: 1
сороконожка: 1
стрекоза: 3
таракан: 3

6. *Парнокопытные млекопитающие*

бараны (агнец; барашек; овцы; ягнёнок): 6
бегемот: 6
верблюд: 4
живность: 1
животные: 1
жираф: 2
коза (козёл): 7
корова (бык; коровы; лось; стадо; телёнок; тельцы; тур; як): 21
олень (олени): 5
свинья (боров; вепрь; кабан; хряк): 10

7. *Плавающие-путешествующие*

дельфин: 1
карась: 3
кит: 1
кобзда: 1
креветка: 2
моржи: 1
окунь морской: 1
рак: 1
рыба (рыбы): 15
сардины: 1
сельдь (селёдка): 3
сом: 3
треска: 1
щука: 2

8. *Хищные звери*

барсы: 1
волк: 2
выдры: 1
зверь (звери): 4
лев (львы): 5
лисица: 2
медведь: 1
собака (пёс): 5
хорёк: 1
шакал: 1

Часть третья
Представители Флоры

1. *Деревья, кустарники, лианы, а также их плоды, детали и сообщества*

акации: 1
апельсин: 2
берёзы: 4
ветви (ветка): 13
виноград: 1
вишни: 1
вяз: 1
дебри: 1
дерево (дерева; деревья; древо): 21
дуб (дубрава): 8
ель (ели): 7
заросли: 2
ивы: 4
кактус: 2
кипарис: 1
клён: 2
клюква: 1
корни (коренья): 4
кусты (кусты; кустарник): 14
лавры: 1
лес (лесб): 30
лимоны: 1
липы: 1
лист (иглы; листва; листы; листья): 30
лужайка: 1
малина: 1
мандарин: 2
ольха: 1
осина: 5
папоротник: 1
парк: 2
перелески (пролески): 2
плющ: 4
померанец: 2
поросль: 3
растенья: 2
роща: 3
рябина: 1
сад (сады): 17
сирень: 2
слива: 1
сосна (бор; сосны): 16
ствол (стволы): 3
сучья: 1
тёрн: 1
урочище: 1
хурма: 1
цитрусы: 1
яблони (яблоко): 4

2. *Злаковые, корнеплоды и другие овощи*

брюква: 1
капуста: 4
картофель (картошка): 5
ковыл***я***: 1
колос (колосья): 3
морковь: 2
мякина: 1
овёс: 1
огурец (огурцы): 9
поле (поля): 18
помидор (помидоры): 4
просо: 1
редиска: 1
тростники: 1
ячмень: 1

3. *Трава, цветы и ягоды*

арбуз: 5
васильки: 1
водоросли: 1
горох: 1
дыня: 1
завязь: 1
земляника: 1
клубника: 1
лепестки: 1
лилии: 3
луг (луга): 4
мак (маки): 2
морошка: 1
мох: 2
незабудки: 1
околоплодники: 1
осока: 2
роза: 7
ромашки: 1
семенники: 1
соцветья: 1
соя: 1
стебель: 1
тмин: 1
трава (травка; травы): 44
цветок (цветочек; цветы): 10
чечевица: 1
ягодка: 2

Приложение. Вспомогательный тезаурус

агнец > *бараны*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
ангел Фергус > *кот*	(Часть первая. Высшие существа)
боров > *свинья*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
бык > *корова*	(Часть вторая. Парнокопыт ные млекопитающие)
вепрь > *свинья*	(Часть вторая. Парнокопыт ные млекопитающие)
гниды > *вши*	(Часть вторая. Насекомые)
Епифан > *кот Епифан*	(Часть первая. Высшие существа)
зебра > *конь*	(Часть вторая. Млеконепарнокопытные)
иглы > *лист*	(Часть вторая. Деревья, кустарники, лианы…)
кабан > *свинья*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
Кикимор > *комар*	(Часть вторая. Насекомые)
кобыла > *конь*	(Часть вторая. Млеконепарнокопытные)
кот Епифан > *кот*	(Часть первая. Высшие существа)
лось > *корова*	(Часть вторая. Парнокопыт ные млекопитающие)
овцы > *бараны*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
Пегас > *конь*	(Часть вторая. Млеконепарнокопытные)
пёс > *собака*	(Часть вторая. Хищные звери)
петух > *куры*	(Часть вторая. Летучие представители)
пони > *конь*	(Часть вторая. Млеконепарнокопытные)
селезень > *утки*	(Часть вторая. Летучие представители)
собрат Фома > *кот*	(Часть первая. Высшие существа)
сыроежка > *гриб*	(Часть вторая. Грызуны и другие звери)
телёнок > *корова*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
тельцы > *корова*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
тур > *корова*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
Фергус > *ангел Фергус*	(Часть первая. Высшие существа)
Фома > *собрат Фома*	(Часть первая. Высшие существа)
хототогису > *кукушка*	(Часть вторая. Летучие представители)
хряк > *свинья*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
Цилин > *конь*	(Часть вторая. Млеконепарнокопытные)
шмель > *пчела*	(Часть вторая. Насекомые)
ягнёнок > *бараны*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)
як > *корова*	(Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

Цикл **АНРИ ВОЛОХОНСКОГО** “Трели бакалавра” (1961–1962) сохранился не у автора, а у его друзей и (по)читателей. Поэтому, к сожалению, он не открывает представительное собрание стихотворений Анри Волохонского — “Стихотворения” (Анн Арбор: Эрмитаж, 1983)

Тем не менее отдельные ст-ния цикла всё же публиковались: четыре ст-ния (1, 6, 10 и 11) были опубликованы М.Мейлахом в журнале “Часы” (№ 13, 1978); они же, плюс ст-ние 13, увидели свет в томе 2А антологии К.Кузьминского “У Голубой Лагуны” (1983). Два ст-ния (3 и 14) и фрагмент ст-ния 2 вошли в первую отечественную книгу Анри Волохонского, — “Анютины грядки” (Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994).

Полностью цикл публикуется впервые. Для настоящей публикации текст заново выверен автором.

В.Р.

БОРИС ТАЙГИН – патриарх самиздата. Вместе с ККК и Г.Л. Ковалёвым в 1964 г. собрал и переслал в издательство «Чехова» первый сборник стихов Иосифа Бродского. Издаёт книги под маркой издательства «Бэ-Та», собрал и издал полн. собр. соч. Глеба Горбовского, ведет точные дневниковые записи «По горячим следам», в которые вместилась почти вся литературная жизнь Ленинграда –Петербурга второй половины минувшего века. Стихи Бориса Тайгина открывают первый том Антологии «У Голубой Лагуны».

Т.Б.

Цикл “Правда о Рпанге” — третий раздел книги **АЛЕКСЕЯ ХВОСТЕНКО** “Три цикла Верпы” (1966).

Стихотворение “Вершина реки” входит в цикл “Силуэты Верпы”, первый раздел той же книги.

В.Р.

ТРЕЛИ БАКАЛАВРА

И при писаньи своего рассказа
Не скрой, каким растенье ты нашел,
Ограбленное здесь уже два раза.

Кто грабит ветви иль терзает ствол,
Повинен в богохульственной крамоле
Бог для себя святыню их возвел.

Данте

1. Пролог

Соблазном сильно поределым
На небесах тебе далеких
Расположил свои пределы
Наш мир ужасный и жестокий
Природы хрупкие куски
Он поместил в законов обруч
По ним сновали пауки
Плетя для нас познанья поручень.
Прекрасный окорок тая
Природа скрыла эти сроки
Смутясь оправила оборки
Стыдливо глядя на меня:
Во мне ты верно видишь ту
Что лихо каждому солдату
Приоткрывает наготу
За незначительную плату —
Пойди со мной, войди в палату
Там средь весов и между мер
Научной прелести пример
Цветет левкоем на пригорке,
Но есть во мне такие норки
Куда их не проникнет взгляд...
Гляди: у самой двери кассы
Напуганы дефектом массы
Толпой ученые стоят
И что-то нежное галдят
Своей испорченной латынью
Гордясь познания полынью
Нырнув в такую полынью
Дерзнувши дно мое пощупать
Но обретают лишь свинью
Хотя и применяют лупу
Луны рассматривая части
Природный отметают стыд
Они стремятся к тщетной сласти
Собравши сведений пласты
В распространенные тома
Один тащил меня в кусты
И каждый палец как Фома
Меня исследовать намерен
Стоял вокруг в себе уверен.
Однако я была тверда
И не сдавалась словно башня
А он сказал, что я труба,
Сказал, что нива я и пашня,
А он, ученый, словно плуг
В кругу мотыг, своих подруг
Блестящих новых инструментов,
Копать которыми удобно,
Что я глядела благосклонно
И тесто подымалось сдобно
Ему казалась я съедобной,
Красивой, глобусоподобной,
И потому меня он мерил
Размахивая сантиметром
И делал вид как будто верил
И в шляпе был отделан фетром
И на меня пахнуло ветром
А он заметил тут со смехом:
Работа делу не помеха,
Отдай себя моим утехам.
Наука обществу — порука
Природа обществу — задвижка
Ларца, куда влагаем клюквой
Средств общественных излишек
Наука это есть кровать
На ней сидим мы свесив ноги
Над миром царствуя как боги
Науки склоны не пологи
Обрывы — должен я сказать —
На ней имеются и тропы —
Наука верная подстилка
Чтобы с утесов упадать
И не затрагивать затылка.
Природа —сыр, наука — вилка,
Природа — дробь, наука — белка.
В руках у меткого стрелка
Лежит разбитая тарелка
Должок записан под мелок
На том кончаю свой пролог.

2. Против Дюринга

Все животные — отцы,
Хоть ведомы под уздцы.

Время — глупая служанка
Пролила вино на лестнице.
Будем слизывать остатки
Собирать осколки чаши
Неприветливой прелестницы
На колени встанем сразу же
Хрупок был пример бесстрашия
Его почувствовав прилив —
Овал вина в текущей луже,
Отвне проходит горделив
Отец воронок и кадушек.
Царь гулких внутренних пустот
Дань с голых дыр не может вычесть
Непостижим упругий свод
Ступеням качеств и количеств
Букварь природы многотомен
Но знаки лжи извергнет глаз
Блистает истины топаз
Среди пустот каменоломен.

“По океанам-матерям
Лодки знаний к нам плывут
Вся природа — это храм
В мастерской пылает труд
Наша печень словно желчь
Вырабатывает мысли
Поскреби любой кирпич
Доцарапаешься истин
От оспы, как и от холеры
Спасти не могут компромиссы
И половинчатые меры —
Заразу сталь пусть жжет со свистом
Так будем миру палачи —
Поспешим — и калачи
Будут нашей ежедневной пищей” —
Так говорил, народ прельщая вишней
Один плохой социалист
Своих трудов тряся пред ними глупый лист.

Этот Дюринг был вульгарен.
Он не понимал закона
Отрицанья отрицанья
Он не отдавал поклонов
И не наносил визитов
И хорошие манеры
Ему были не знакомы
Он сидел угрюмо дома
Рядом с чаем недопитым
За стеною из фанеры
И не знал, что диалектики фанфары
Дороги миру осветили
Так, как идеи блещут фарами
В наук ночном автомобиле
В своем невежественном самомненьи
Считал себя магистром* и не менее
Хулил собратьев по перу
Сам с них щипая по перу
А на пирах он чавкал громко
Руками пищу брал с тарелок
И были всем головоломкой
Его вульгарные манеры
И к дамам часто он спиной
Стоял, блистая новизной,
А вечерами каламбуры
Сам сочинял в тиши ночей

А утро приходило хмурым —
Так седоватый казначей
Монарху утром счет приносит
Когда монарх того не просит.

Прославим Энгельса который
Ему на место указал
Который сдёрнул эту штору
Ему всадил тугую шпору
И показал в какую пору
И век какой кругом настал
И пусть он это написал
В словах довольно непонятных
Но в стиле тонком и приятном.
Оденем Энгельсу венок,
Украсим бороду цветами
Положим амбру возле ног
И розы обовьём усами
А в длани рук ему блестящ
От сочинений вложим хряш.

** А ведь он не был даже бакалавром (Примечание автора).*

3. Теоретическое обоснование дальнейшего
Поклон 3. Фрейду
О полом и сплошном

Сплошное тело страшно нам.
Сплошная кость погодой ноет
И плачет призрак древних ран
Ужасно тело нам сплошное
Его удар — так след, синяк
И гул стоит неупорядочен
Иное дело — тонкий злак
Своей природою загадочен
Стоит соломенный цветок
Желтея хрупкою трубою
Кто в это дело вникнуть мог
Качая ветреной главою?

Кочан — в листах, гора — упор
Она для ветра коридор
Она лежит — вся цепь из скважин
Как адвокат который скажет
Что аппарат вокруг продажен
И что коррупция сверлом
Дырявит дым медовой сажи
От прежней связи, прежней пряжи
Отторгнут смоляной Содом —
Меж плотных тел находит дом
Лишь тот, кто сам себе плотнее
Но вкус к забавам холоднее
Горит в застенчивом зрачке
Не расщепясь змеиным оком
Не соблазнясь вороньим веком
Что триста лет таскает клюв
А после ищет темный люк
Куда бы скинуть эту ношу,
Куда б снести яйцо из трупа
А смерть, копыто взяв у лошади,
Стучится в двери из скорлупок.
Дары — коробками покупок
Крупа скребет железо ступок
И кость пестом бредет по супу
Невзгод. От зелени фасоли
Твои фальшивые пароли
Сотрутся в плоские печати
А мысль твоя полощет скатерть,
Чтоб не осталось винных пятен —
Непрочна полая посуда
Скрипеть бы швами черепахи
Когда б не вызывала зуда
(И вряд ли звук кому приятен)
Та мысль, подсказанная страхом.

Под нашею надглавной крышей
Пирует в тесном помещеньи
Наш ум — как полковой священник
И мышцам толк даёт он свыше —
Они сгибают бёдра в угол —
И вдоль глядит колеблем другом,
Когда качели под углом
Когда любим стоит столбом
Сплошным сцепленьем обстоятельств
Из кругловатых позвонков,
Смерть брякнет: “Менее оков
Тем меньше тем для препирательств”.
Сосуд осколком засверкает
Сплошное крикнет: “Это вечность!”
Вокруг сплошное словно Каин
Вдоль неудачного печенья.

4. Краткая история отечественного воздухоплаванияаппаратов тяжелее воздуха и отчасти металлических

Конец забав таких плохой.
Сначала взмах крыла бессильный —
Был одинок изобретатель
В отставшей царственной России
От всей Европы на откате
Тогда печально выли крепостные
Их бил урядник, поп им лгал
Интеллигент о них не хлопотал
Но совесть тлела как лучина
У тех, кто лучший представитель,
Достойны крыльев наши спины
Но нам мешает злой вельможа
Казновладетельный правитель
Початки знаний уничтожа.
Холоп же крыльями махая
Попробовал от колокольни
Однако поп его толкая,
Разбил его плохую ногу
И лето было это знойным,
Прошла зима течением спокойным
И лишь к весне крылом махая
И пар из котелков пуская
Пришел Можайский весь в усах
С ним самолет на парусах.
Однако царь с царицей вместе
Ему отказывали в средстве,
И этот каменный педант
Разбил колено о квадрант,
Который острыми углами
Его терзал, ему вредил
Затем, что не снабжен средствами,
Царя Можайский теребил,
За это царь ему вредил
И ни копейки не платил.
Царь — злонамеренная личность
Скрывал от всех свою наличность
Можайский умер в нищете...

Но времена уже не те
Царей вогнали мы в гробницы
(Исторьи тяжки те кулисы —
Так не держись за колесо —
Из мыслей прежних мудрецов)
Ну а попам иное дело —
Как генералам поседелым
Приятно слышать звук трубы
Совком задетой самоварным
Так поп для классовой борьбы
Объект приятный и коварный.
И вот Жуковский на пропеллер
Свои сомненья возложа
Пошел по воздуху кружа
Как восхитительная мебель.
Этапы вкратце таковы:
Ступенечки, перила — вдруг
Весь мир круженьем опаленный
Упал на площадь потрясенный
На площадь красную Москвы.

5. Рука

Она талантом не блистала
И скромной Золушкой слыла
Еще огня не добывала
Еще металла не ковала
Еще полотен не ткала
И на стене не рисовала
Она едва-едва могла
Манить и звать к себе другого —
Приятеля иль друга дорогого.
И вот потребности иной
В себе почувствовав стремленье
Она утратила покой
И утвердилась на полене
И отреклась от прежней лени
Она отставила большой
Палец толстый коренастый
А день стоял тогда ненастный
И был запас его пустой.
Лишь челюсти стояли, скрипом
Напоминая о себе
Она согнулась словно скрипка
И потянулася к еде
А эта ноги уносила
Оказавшись осторожной
Ее казалось не прельстило
Служить прогрессу замороженной
Тогда поняв бессильность в поединке
Когда период ледника
Вторгался в горные бока
Как молоко из половинки
Ореха именем “кокос”
Нечаянно на берег пролилось —
Тогда свой палец-коротышку
Куда-то влево отложив
Она оставила мартышку
Сказавши: “Мыслю, стало быть жив”
И ловким пальцем помавая
Его приладив к челюстям
Из шерсти это доставая
Даря им их добытых там
И ноготь пропитательным орудием
Был этим первым как бы людям.

Меж человеком и животным
Ведь нет границ бесповоротных
И те и эти хороши
Ни в тех, ни в этих нет души
Одних тела покрыты пухом
А эти пользуются плугом
Для добывания себе
Еды, естественно, в борьбе.
Однако тот, кто проникает
Сквозь кожу внешнего предмета
Конечно ясно понимает
Что звери ходят неодеты.
Они ленивы и порочны
Себе домов не строят прочных
Так — гнездышко или шалашик
Ниже берез да выше кашек,
А мы себе из калабашек
Творим при помощи труда
Чтоб не ходила к нам беда
У нас еще сковорода —
И много разных есть имуществ
Перед зверями преимуществ.
У нас имеется рука
Взамену неумелой лапы
Она искусней паука
Она любой откроет клапан
Она одела ногу в лапоть
Она отличий честный рапорт
Она могла бы поцарапать
Она могла бы и заштопать
Она зубам несмежный локоть
Природный вклад не может лопнуть
Хоть треплет кризис бренный Запад.
Рука — орудие народа,
Она помощница тому,
Кто одинок перед природой
И пища всякому уму.

6. Изобретателю компаса смелому мореходу-китайцу

Был корабль раб руля
Был корою крыт каркас —
Корпус-нос от корабля
Между мачт отмерив час
Жмурил в щель веселый глаз
Измещая воду в чан
Кок, который в самоваре
Капитана совмещал —
Он торговыми судами
Им покрикивал: “Куда вы?”
Или им кивал усами
Сам связавши их с причалом.
К нам беда приходит слева
Это древняя примета
Если сердце вроде хлева
Если осень вместо лета,
Вместе с зимами мороз
Разворачивает пни
Муравьиных куч нарост
Расчищает тропы-дни
Кони жаждут направленья
Их ездок уздою жмет
Корабли ползут на мели
Это компас их ведет.
Только кок в свои бока
Свободно руки упирая
Потрясает камбалу
Которая рыдая умирая
Вспоминает облака
И картины донной мглу
И стрелку алую из лука
Эксцентрика и шутника
Который пьет свое “пока”
Из металлического кубка...

Это разве не удача
Знать, куда покажет рыбка

Если прежде горько плача
Волны нас качали зыбко
Знать где запад где восток
Должно всякому подростку
Зыбкий знания росток
С капитаном сшит внахлестку
Этот корень цветом вакса
Этот парень видом — воск
Верещит собака такса
Если ей отрубишь хвост
Под дождем косматых звезд
На небесах рассыпанного проса
Приди, мой друг, сожми ладонью гроздь
Глотни от терпкого течения вопросов.

7. Изобретателю радиосвязи

О, царь зверей! Громоотвод!
Ты лев небес, пернатый стержень
Любовник огненных пород
Прямолинеен и урод–
лив рядом с ливнем свежим.
Но речь моя не про тебя,
Иное море возлюбя
Иную влагу впитывая зреньем
Душа вся в трепетном волненьи
Как ветер в разветвленных соснах
Висит надорван и приплюснут
Его колышется лоскут
Его не слышится скрипенье
В растеньях, ствол которых крут
Которые смеясь уйдут
Которых прост столетний круг
Которых пень древесный толст
(Иначе — кругл столетний пень их).
Для связи трепетной пеньки
Полощет парус на канате
Ах, сообщения — бруски
Кирпич везом на самокате
Тяжел, тяжел почтовый труд
Сломалось диво Вавилона
Солома — случай, вести ждут
Когда фонарь на них зажгут
И расположат на колоннах
В коротких перышках зари
Что шепчут звездам “говори”.

Людей издревле пресыщенье
Природою склоняет к сообщенью
Другому то, что знаешь сам:
“Олени бродят по лесам
Петух на пастбище пасется
За ними лев смеясь несется
Несет нам ветер туч сырую
Толпу, а в сети много дырок
Себе не выстроишь вторую
Судьбу, коль эта не оладьи,
Ее пожалуй пудрить сыром
Получше нежели на складе
Безбожно крысами воруя
Держать ту специю напрасно
Вчерашний день прошел прекрасно
И мне не спится, милый друг
Без твоего объятья рук”.
Лежит под горами руда
Корявым бесполезным грузом
Куя из меди провода
Себя мы делаем союзом
Связуя речи медью уз
Уча цитату наизусть
Преданью уст уже не веря
Приди машина веселясь
Одень в железо облик зверя
Не одевай рубах не меря
Учи и действуй на примере
Уйди отлив в свинец абзац
Для наших дум тугой матрац.
Как лицемерная матрона
Влачит любовника в сосуде
Как скрыт порок под древом трона
Пока хорошая погода
Летает по двору завода
Так обессиленные люди
Поднять не могут грузной почты
Узнав не жгут знакомой свечки
Им лень тянуть назад катушку
Галопом может неудача
Скакать навстречу потаскушкам
Затем от материальной связи
Совершенно отказавшись
Свидетель глаз, а мысли завязи
Куда-то вдаль себя пославшие
Хоть новым волнам не сродни
Они опережают дни.
Стучат ключом телеграфисты:
Народы, люди, пойте, пойте,
За эфирные поместья
Всяк свою канаву ройте
Шире шаг бесплотной роты
Выше качество работы
Выше вздень антенный ус
Покачнулся весь глобус
Глобус жарит лихорадка
Треснула плохая кладка
Посмелей внедри дутьё
В мире скверное шитьё
Покачните головами
Поцарапайте ладоши
Ныне каждый выше станет
Выше качество галоши
Больше швов. Поменьше краж.
Увеличь её тираж.
Убери меня на место.
Смерть врагам и колонистам.
Чешуя причин и следствий
Не подходит и на выстрел
Плод познанья прямо в тесте
Запеченный среди сахара
Мы проглатываем радостно
При посредстве соучастника
Подарившего нам радио.

8. Изобретателю лошади

На четвереньках и пешком
Ходили люди по тропинкам
Непогоняемы пинком
К пенькам склонялись и травинкам
И травы зеленели на лужайках
Кусты помахивали платьями
Вокруг гуляли овцы в валенках
И не были такими гладкими
Пути людского троеножия —
Вставал ухаб перед прохожими
Пригожий корень лез из рытвин
А люди шли одеты кожами
И дети шли на них похожие
Еще пониже челюсть выдвинув
Долбя локтями и коленками
Пути людского троеножия
Питаясь майскими личинками
И щеки вымазавши сажею —
Их губы незнакомы с кашею
Их руки незнакомы с ложкою
А их отцы не знали лошади.

Раз некий консул* скинув тогу
Мозоли объявил сенату
На месте том, где только могут
Цвести мозоли у солдата
Что жизнь в походах на коне
Седло приделав на ремне
Провел в земле чужой и чуждой
Он объявил свою нужду —
Протертый след народной службы
Сенат забил в ладони дружно
И ликовала вся окружность
Имея центр на виду.
Ведь не ценою анекдота —
Руководила лень доцентом
Который совершенство слога
Скрывал цветистым полотенцем
Он шевельнуть ногой не мог
Но не желал сидеть аскетом
Он захотел летать галопом
Воздевши кнут, как энергичный слог,
Стал конь яйцом, а он наседкой
Был конь горяч, как кол циклопа.
И с той поры чужою силой
Нас носит парус по морям
Земля нас носит сквозь могилы
Изобретательно гоня
Коня в оглобле катафалка
А конь кричит и гложет палку.

** Это подлинный случай, описанный Плутархом (Примечание автора).*

9. Неловкий бальзам трубадура

Где кометные концы
Затухая догорают
Замок истины зубцы
Старых стен своих вздымает.
Неприступно плесневеет
Ров с водой кольцеобразной
Страж моста к нему привязан
Алебардою ржавеет
Рядом разный ветер веет
Аксиом и постулатов
А ворота на заплатах.
И картавый миннезингер
В накрахмаленной сорочке
Сделав шею лебединой
Достает бессмертные строчки
Песен вечные клочки
Судеб круглые волчки
Связь с природой есть пучок
Протянул он кулачок
И запел возвысив голос
Пригладивши отсутствующий волос:

Угадывая в Вас благое основанье
Я мнил найти прекрасную в прекрасном
И вверил Вам замки от этих зданий.
Вновь к Вам влеком и сладостно и властно
Себя принес пред двери Ваших уст
Вооружен нарядом первоклассным.
Но что же весь мой сад и сух и гол и пуст
А я сную вокруг, увы, голодной пчёлкой
Ветвистый лёд, холодных равенств куст
Стоит передо мной обглоданною елкой
Но тщетно ищет взор хищения примету
Мне сохранен один чертеж поблеклый.
Ваш след лишь бледный знак подобный свету
Где скрыл он Вас безумец и волшебник?
Ведь в мире Вас по-видимому нету.
Вам словно незнаком пространственный ошейник
Вас увлекли в полете слишком быстром
Узда в устах — наездники Эйнштейна,
Паки-паки, господа махисты!

И вот над замком опустелым
Сова ударила крылом
Тогда певец утратил тело
И поглядел вперед орлом
У ног его забил источник
Но мир не понял дивных строчек
Он алебастру взял в мешочек
И предал гипсу дивный лик
Неиссякаемый родник.

10. Суровое и мудрое напоминание

От появленья до могилы
Все великие явленья
Суть дела рабочей силы
И крестьянские деянья.

Если куполом украшен
Замечательный домишко
Если формулами страшен
Математика умишко
Если кот сидит в мешке
На корявом ремешке
Знай, что это чей-то труд
Уложил пушистый груз
Он воздвигнул эту башню
И вдавил в ученый мозг
Через зад посредством розг
Взборонил чужую пашню
Распахал сухой погост…
Но не слушая припева
Жил художник в отдаленьи
Жил поэт на перекрестке
Жил писатель в сновиденьи
А народ страдал и плакал
Лучшей жизни он не чаял
И тогда сказал Некрасов
Гоголю за чашкой чая:
Чем бунтовать на площадях
Не лучше ль нам стоять на клумбах
Городовой на лошадях
Страшней, чем дворники на тумбах
Но я крестьянина люблю
Царя стихом я покороблю
Я о крестьянине скорблю
И подарю ему оглоблю.
Ты можешь лошадью не быть,
Но долг гражданский заплатить.
Так пей, друг Гоголь за меня! —
И умер, раком печеня*.
И пусть примеров прежний вкус
Напомнит новому искусству,
Что сенокос, где я пасусь,
Не должен быть чрезмерно узким.

Пускай народ артисту скажет:
“Где сущность — я, лишь форма — ты”
И для примера простоты
Народу вовсе не нужна
Плохая башня от слона.
К хвосту пословицу привяжет:
Поэт, кряхтя, пускай поступит
Туда где благороден труд
Художник если нравом крут
Яйцом барахтается в ступе
Писатель пишет. Математик
Развесит шарик на канатик
Для деток нежную забаву
Или машину для гаданья
Исхода полного собранья
И так, ступая величаво,
Придут великие творцы
В руке сжимая огурцы.

**То есть от рака печени — вольность (Примечание автора).*

11. Материя 1-я, саркастическая

Противоречий длинный узел
В себе медлительно неся
Сосредоточась в этом грузе
Крутясь и сочленяя звуки
Материя сияла вся
И чревом мир приподнимая
Червем пронизывая весь
Она протягивала руки
И говорила только здесь
На травах розового мая
На алом бархате фиалок
Вдали от свалок городских
Я лучший случай как подарок
Отдам тому, кто любит их.
Я мира дерево златое
Я мира корень, ветвь и ствол
Цветок и плод и шип и кол —
Мой пылен пест, листва — подол
И всё, что сверх того пустое
На том летаю и стою —
Ведь я сама себя удвою
Мигнувши только воеводе
В котором социальном слое
(Умрет изящность в тесном слоге)
Уложены начала смысла
Они наполненные ведра
Качают мира коромысло
А риф как наконечник мыса
Дырявит лодочные днища
И хлещут в дыры волны речи
Я вся — клубок противоречий
А на боку моем прорехи
Но я сама свою структуру —
Пчела умна как архитектор —
Ничто преобразуя в нечто
Построю в длинную натуру
На мысе рифа наконечник
Опасный корабельным днищам
Его теченьем правит вечность
А мир — качели коромысла
А мыс концом венчаем рифа
Бурлит водой среди пробоин
Я вся комок предубеждений
Но мой порядок очень строен
Мой пращур был недурно сложен
Потомок вдруг оделся кожей
Совсем не лучшего покроя —
Смесь молока и сновидений.
Разбитый в тщетности рассудок
Плохой поломанный рисунок
Цветок, обглоданный как остов —
Поищем кость на дне сосуда
Туда забитую первично
Скорей пустить в работу зубы
Пусть нам дадут хотя бы кости
А прежде выдуманную ссуду
Заменят кашей чечевичной
Вольют разваренную душу
В приуготованную полость.
Ах, бесконечность, бесконечность!
Для юной поступи моей
Нет ни опоры ни дороги
Я дом без крыши и дверей
И нет ни петель ни порога
Но изнутри на щеколду
Храня сама себя на льду
Я крепко спальню запираю
И на трубе играю.

12. Бертольду Шварцу из Нюрнберга, изобретателю пороха

Не отворяй своей калитки
Кольцо на палец не надев.
Гуно “Фауст”

Тих, печален монастырь
Ночь легла как темный пластырь
Птица крылья растопырила
Запер хлев веселый пастырь
И пошел себе к жене
Что сидела на окне
И плела себе кокошник
Тихо сидя за окошком.
Монастырь печален, тих.
Только слышен шорох книг
Это мышь себе грызет
Ход сквозь лист и переплет
Настоятель захрапел
Кот расправил хвост трубою
Замечателен и смел
Он доволен сам собою
Благороден, смел и прост
Он трубой расправил хвост.
Петли ржавые не скрипнут
В кружке не звенит монета
В кухне запахи обеда
Ходят по застылым плитам
Стынет дым в трубе печной
Нетопырь висит ночной
На крыле своем печальном
Темной грусти почтальоном
Он над стенами качает
Тени длинные знамена.
Храп отчаявшихся братьев
Сотрясает горы крупов
Им веселые объятья
Приготовили суккубы
От двенадцатого часа
До птенца часу в четвертом
Будут ведьмы забавляться
Под монахом распростерты
Приползут они на метлах
Прилетят они на ступах
Для утех непервосортных
В похоти ночного супа.
Невзыскательны монахи
С них довольно и старухи
Ведьмы лезут под рубахи
Не хотят скучать снаружи.
Эй, орава, этой ночью
Берегись — кареты ваши
Для забавы беспорочной
Мысль исследует монашья
Пест Бертольд подымет первый
Полно вам скакать горохом
Смесь селитренная с серой
В ступе выстроила грохот
Благо топливным избыткам
Положи его щепотку
Он такого даст задатку
Сам дивясь перевороту.
Полно важничать, козлица
Встал над домом дым вонючий
Раскололась колесница
Свет померк в кофейной гуще
Да, коляска без присмотра
Что майор без поощрений
Лихо лезет из реторты
Пыльный дух изобретений.

13. К расщеплению ядра

Атом прежде был орехом
Нам о том сказал Лукреций
Который был отец и предок
Дидактическим поэтам
Но этот жанр сегодня вымер
Оставив нам одно лишь имя
Оно качается как вымпел
Однако этот жанр иссяк
Ибо предмет его — пустяк
Вползает в ночь дубов светляк
Он собственным сияет светом
Ему не нужен жалкий слепок
От дидактических поэтов
Что указательным намеком
Чредой буйков текут по рекам —
Атом прежде был орехом.
Знаний роды были тяжки
Отстегнув рассудка пряжки
Бесноватой акушеркой
Самомнительным железом
В лоно старое залезем —
Жирный приз тому кто первый.
Погляди какой уродец
Резво ножками качает
Он покинул свой колодец
На вопросы отвечает
Покажи нам ручку, детка
Сунь сквозь прутик
Видишь — клетка
Здесь предел тебе положен
Чтоб прохожий не обидел
Ах, рисунок очень сложен
Очень тонок, не увидишь
Без трубы и диаграммы
Здесь стекло, а рядом рамы
По воротам не тараном
Надо бить экспериментом —
Лучик света очень тонок
Атом спит морскою свинкой
Но его разбудит гонгом
Зов к научным поединкам
Из-под тайн его забрала
Не орех глядит — гомункул
Не ореховая куча
А материя — карбункул.
Оглядись глазами вяло
Крикни голосом беззвучно
Всё что прежде убегало
Ныне хорошо изучено
Атом в воздухе качается
Крюком закона сцеплен с центром
Который принял облик зайца
Себя окутавшего лентой.
Как рептилии яйцо
На репетицию премьеры
Влекомое заботливым отцом
Трещит от жара общей веры
И внутренний его порыв
Сдувает ставшую ненужной крышу,
Предохранительно покрыв
Младенца шкурою от мыши
Так атом треснул изнутри
А мы природу покорив
Поставим знак столбом японским
На нем развесим фонари
Чтоб знал Пном-Пень и знал Париж
О вновь рожденном недоноске
Отрядом новым в нашем войске
Стоит уродец ноготь сгрызший
Стоит гомункул в коже мыши
Перчаткой шлет приветы высшему
Который ходит генералом
И дарит орден этим малым.

14. Материя 2-я, нежная

Себя храня и не желая
Себя ни капли потерять
Матерья ходит дорогая
Себе к ручью белье стирать
Волной плескаясь и смеясь
Вода её уносит грязь
Висит над нею словно князь
Причинно-следственная связь
Одной рукой она стирает
Другой крутя бельишко жмет
Иною этой помогает
Иною — с бабочкой играет
И тихо песенку поет:

Одна в прохладной синеве
Я вышиваю по канве
В пустынном круге я одна
Дарую вихрям знамена
Среди созвездий и столетий
Совсем одна на белом свете
И мне любовника не надо
Пусть так и буду я одна
Ведь в мире нет иного клада
Как только склада из меня
Я ось пространственной короны
Мерцая перьями зари
Влеку на голубом понтоне
Сквозь электронов янтари
И мира улей ловко я
Наполню медом бытия
Его одену смыслом воска
Снаружи побелю известкой
К столбу последнего устоя
Я принесу белье свое простое
И там повешу на ветру
Чтобы высохло к утру.

ТЕКСТЫ ИЗ “ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ”:

* * *

Я умру не от старости –
я умру от тоски...
Под малиновый благовест
я – отшельником – в скит...
Там лампада горящая
перед ликом Христа...
Камыши шелестящие
лижет тихая Мста.
Лес глухой и нехоженный,
окроплённый росой.
Я стою, завороженный
первозданной красой...
В небе – звёздные россыпи –
начертаньем судеб.
Что Ты скажешь мне, Господи,
на Последнем Суде?..
Чёрный лик – в жёлтых оспинах
в Гефсиманском саду...
Отыщу ли, о Господи,
роковую звезду?..

1963

* * *

Распятье Христа – на развилке дорог.
Приморская горькая пыль...
Слова на плите: «Да поможет вам
Бог!»
И рядом – сиротский ковыль...
Да ветер, носящий со скоростью пуль
песчинки в раздетой степи...
Да солнце, входящее в крымский июль,
шептавшее: смертный, терпи...
Бескрайняя степь – желта, и пуста:
ни речки, ни луга, ни леса...
Лишь чахлое деревцо возле Христа,
и рядом – скамья под навесом...
Какая вокруг безглагольность тоски.
Какое безлюдье, покой...
И – только дорога...
И солончаки...
И небо...
И ведьма с клюкой –
неслышно летящая вдаль над
пустыней...
Но это – лишь тень облаков!..
... Нам вечно идти –
под плащом светло-синим,
идти до своих тупиков...
Какую молитву Тебе вознести?
Во имя чего славить Бога?
... Нам – только идти,
только крест свой нести...
Нам ныне и присно – дорога...

1968

**ТЕКСТЫ
ИЗ АРХИВА К.КУЗЬМИНСКОГО:**

* * *

В этом городе – душно,
в этом городе – голод,
и поэтому нужно
покидать этот город,
покидать безвозвратно,
покидать безоглядно,
подорвать аккуратно
каждый дом
и – злорадно –
кол воздвигнуть железный
и проклясть семикратно...
Только –
всё бесполезно:
я ж приеду обратно!

1965

СТИХ ПРЕДОТЪЕЗДНЫЙ

*к 18-летию события**

Кузьминский покидал Россию...
Его безумные глаза –
два выпуклых, небесно-синих –
молчали... Ни одна слеза –
его друзей не окропила...
Была лишь дьявольская сила
и целеустремлённый взгляд:
мечта – на Запад уносила
без возвращения назад!

В земном поклоне не склонилась
его шальная борода,
в родной земле не запылилась
и не оставила следа...
Он на асфальт аэропорта
лишь бросил на ходу плевок
и прошагал, как мастер спорта!
И в горле не застрял комок
от неизбежности разлуки...
Не п**о**днял для прощанья р**у**ки:
себя не осенил крестом,
да и друзей своих притом...

Но в Петербург пришла беда:
уехал Костя... Навсегда...

16 мая 1993

** Петербургский поэт
Константин Кузьминский
покинул Россию 15 июля 1975 г.
В настоящее время
постоянно живёт в Нью-Йорке.*

**Надпись под фотографией
поэта К.Кузьминского**

На пьяном кресле спит
Кузьминский,
охваченный седой бедой...
И профиль Фавна сатанинский –
продолжен дерзкой бородой!

*(из цикла «Экспериментальные
миниатюры», без даты)*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ:

* * *

Г.В. Мельникову

Подтянув коню подпругу,
словно в цирке – всякий раз
совершаем бег по кругу
без парада и прикрас...
Каждый день – одно и то же.
И обидно, и смешно:
всё вращаемся – о, Боже! –
словно в проруби говно...
Как по корту ипподрома –
мчимся, мчимся без конца...
Вот уж точно: аксиома
бесконечности кольца!
Завертевшись вкруговую,
издадим последний стон...
Уберут за бортовую* –
отдыхать на вечный сон...
Но пока скрипим, как можем.
Не свалиться бы в кювет...
Приготовленное ложе
подождёт с десяток лет!

1980

**Бортовая изгородь – низенький
заборчик вокруг поля ипподрома.*

* * *

Не подвластен звону злата –
пламень юношеских дней!
Модным парнем был когда-то,
были и стихи модней.
А сейчас, сквозь стон рыданий –
эти строки выплакал:
видно, летопись сказаний
до конца я вылакал...
И ложатся буквы – строчкой
бледно-голубых чернил...
Не последнею ли ночкой
я с тобою говорил?!

1956

* * *

Я смотрю сквозь окно тюремное:
деревянный крест переплёта.
Небо жёлтое, как измена.
За стеною
стенает
кто-то...
А за дверью – стук метронома:
стук подковок по галерее...
Мы – не люди... Жалкие гномы!
Из пеньки
для нас
ожерелье...
Небо светит гирляндой ёлочной
звёздных глаз в ореоле месяца
сквозь ресницы колючек проволочных...
За стеною
кто-то
повесился

1963

* * *

Я жить учился под штыком,
под остриём цепного взгляда...
Закрыв глаза, я видел дом,
огни родного Ленинграда...
Очнусь, и – только ветра вой...
Кругом осины, сосны, ели.
А с вышек – злобою немой –
глаза раскосые смотрели!
В пришедший праздник – Новый Год –
становится предельно жалко,
что юность наша отцветёт
в труде тяжёлом, из-под палки...
А если в лагере, в тайге,
меня совсем оставят силы –
зароют с биркой на ноге,
без слёз, и даже – без могилы!
...Тайга. Безгранная тайга.
Наш лагерь – словно муравейник.
Но каждый – носит, как ошейник,
колючей проволоки рога!
Концлагерь наш окутал мрак.
Мне много довелось увидеть...
И там я понял, кто мне – враг!
Кого мне надо ненавидеть!

1960

ЗВОНАРЬ

Отзвонила моя колокольня,
отзвенел златозвонный набат...
А дорога была – окольной:
никакого пути назад!
Впереди – на пути – болото:
ни по суше, ни вброд, ни вплавь...
Ещё верится мне во что-то,
Перепутались сны и явь...
Может, колокол новый повешу,
и зальётся гудом окрест!
Может, сам на кольце повешусь,
зажимая в ладони крест...

1963

Правда о Рпанге
в роде басен

I. НОУБРАТО ГРИВА

обязательно воспользуюсь
своими правами на тебя
аимпириен импи: мапре ти
асмит апревку гнешу и вегу
слушу прочтенно гнесь
здесь всё объяснено и описано:
итро он это удрамал
Рпанг хозяин пивного ларька
держал в руках гнесу всего общества
и потом срал за углами
на панель пуская нуская куски трева
он знал чтобы быть там ему надо
ему надо быть там
чтоб держаться подальше
чтоб в поле зрения имита
быть на глазах у него
и так ловчил и эдак
чтоб вечту курасть и продасть
чтоб оттягать её верпа
он всегда говорил:
обязательно воспользуюсь
своими правами на тебя
аивтер и тог и стерка:
или говоря иначе
иначе думая
иначе соображая:
ты самое последнее дерьмо которое дерьмо
которое дерьмо
которое дерьмо
которое дерьмо
которое дерьмо ты самое
ничего бы и не было если б
если б ты не был таким
если б ты не был таким необразованным дерьмом
(аубремо кариум теро)
здесь всё объяснено и описано правильно
ты можешь убедиться в этом сам
если попадёшь ушами
если упадёшь немного упадёшь
если немного яснее
и яснее

здесь написана вся правда о Рпанге
хозяине пивного ларька
здесь
тута

ЛЕВО

II. РЕЕСТР

собирать точки
в нескольких сантиметрах
в нескольких бумажных конвертах
в нескольких резиновых шляпках
(третья четверть XIX века)
собирать изумрудные ордена
из-за границы неуспеваний
из-за ссоры с соседями
из-за отсутствия выпивки
или спор:
он был
он не был
собирать картинки из журналов:
“это теперь пригодится, это потом”
шрифтом крупным и мелким
это самоубийство в метро
это сообщено родителям
или это иначе
или это колокольчик на шее животного
или это компас живописи старых мастеров
(вокруг магнитного поля сурбарана и эль греко)
или это насекомое отыскавшее банку с мёдом
или это иначе
или это иначе
возможно некоторое отступление от места
от продолжения поисков спичечного коробка
или просто завалявшейся спички
от вокзала который забит бегущими
от девки которая не понимает чего она хочет
от папиросы набитой планом
от плана и распорядка дня в психиатрической лечебнице
от ложки супа
от чашки молока
от обезумевших клопов
от улитки
от муравьеда
от аиста

или это иначе
или это иначе
или это иначе

III. КОНСТРУКТОР

вшивых ракет
и обоссанных верб
посмотрите
ка
злу
посмотрите вонючке под гайку
где микробы её
голосят
и гу-гу
сохраняя своё отношение к плугу
и клумбе

там разглядеть
эту девку продажную
дрянь
эту робость продажную девки
и нарезку ствола
эполеты державного гуся
где за ширмой её
он украдкой снимает штаны
просверлив предварительно
дырку в холодном металле

и обняв свою домну за талию
он погружается
в сон
ожидая в дальнейшем
кипения

IV. ТУПИК

ещё не везде
не всегда
сохраняется власть
и чернила
не всюду чернее мочи

лишь только Рпанг восседая
на куче прогнившей бумаги
доволько скребёт себе пах
и
крои габудые ыбы

а дети его
копошатся поблизости ду
отчего его па
в совершенном восторге
клокочет

V. ПРОПОВЕДЬ

вы видели Рпанга
когда он трубил свои дули
и щедро раскидывал фиги
лягухам и жабам
с ружьишком копался в навозе
и чванился

нам до-мажором
твердя:
я швоим повшему
голошую
и даже шебя
готов принешти на пошледок
штоп было опильно шчитать
ш-ш-шаровары и ш-шубы
и ш-шамые жубы
штоп грыжли орехи как хлеп
ня ня
ваши шопли я вытру
а-а-шкошным платком
добытым моими шлугами
иж недр папра-а

вы видели Рпанга
когда он напившись рыдал:
(нажови.) —
одна ножка ходи — другая годи
шовшем

а теперь
Рпанга на пузо
и клубиться
настало мгновенье
радуйтесь гены
что Рпанга пузырь
уж не
геномобилен

VI. СНОВА РЫЦАРИ

что нового теперь
указам что теперь соитий
и что теперь
на страже междометий
в последней половине века —
гора?
или нора?
поверхности или внутри?
с забралом поднятым
иль с бочкой на плечах
с хвостом мышиным
с гладким местом русса
идут в отхожее *теперь*
чтоб из *насиженного*
вытеснить тунгуса
идёт!
о лошадиный хруп!
вы слышите
и шамканье и громы
вместительнее погреба *куда*
обширней омута *откуда*
и выше *разности*
блевотина помора

а жители степей
жуя смолу
на пенгах ряженых
несутся к морю
вспученного града
в запретные кугиклы дунув
чёрные и о
с двойной программой
с шишкой впереди
несутся вскачь
чтоб встрять
назревшие побеги

VII. БЕГОТНЯ

в низовьях улицы калеки
играют с кошками в лапту
и головешки их летают
из окон в окна
дым идёт столбом
сквозь люки городского общежитья
влагалища ноздрей
улавливают порох
ух
и с шаром муравей
никак не в силах
съехать со стола
в поток ликующих предметов
штопка
скатерти —
опасная преграда
страшней пустыни
липкого листа
и шар — не вездеход

но между тем
когда передвиженье
достигло столь опасных форм
как не спешить ему
как не искать пути
и более устойчивой платформы
урны даже
полные окурков и
ногтей его
волос
обугленных конечностей
теперь летят
или вибрируют на месте
изображая мощь
и силу государства
а он кретин
не пользует лекарства
что в изобилии валяется вокруг
и с шаром возится
и не глядит лапту

VIII. ПОБЕДА

быть может в ступе
или пастиле
или ещё в какой-нибудь начинке
охотник дудку спрятал
и свисток
чтоб здани выследить
и сокрушить
одним ударом беглую кадейку
для этого партнёрами была
могила вырыта
глубокая
под стать
любому выпавшему телу
чтоб не было в ней
тесно
узко
душно
чтоб жертва не могла
хоть как-нибудь
подумать о базоге
когда над нею
будет занесён
латунный пестик
в праведной руке
и жаждала лишь лучше укрепиться
в столь чудном месте
и дышать
тем воздухом

тогда
и должен быть
обрушен на неё
предмет
что временно был вынут
из своего
положенного места

Вершина реки

моему драгоценному пр. Ентину

о Ентино
ты где упало
где твоя потерянная рука
или ты оставил её там
когда я последний раз проходил мимо
когда я последний раз проходил
меня очень удивило
что меня очень удивило
что её не было

следующая глава начнётся
с повторенья предыдущей
и займёт места
немного больше
притока волги
или её дуная —
мамочка может плакать
о своём дитятке
оставленном в камышах
или
в камышах дитяти
рыдать на удивление
всего рыболовецкого общества
это всё зря
я могу поручиться
за пустячную затею
с государственным рублём
могу ни за что не ручаться
могу не ручаться
Ентина вышла на удивление
приблизительность
которой он съедает котлету
вызывает приступы необъяснимого
необъяснимого веселья у них
вызывает у них икоту и рвоту
а скорее всего
ничего не вызывает у них

эта следующая глава
была последующей главой предыдущей
следующая будет правнучкой начала
начала моего плача по Ентино

где ты Ентину
пропадаешь
в полезности родственникам
почему твоё умерло
не умещается
вокруг папашиной хижины
и сам ты
когда идёшь
неизвестно куда
зачем оставляешь
своё скелето приятелям

о милый Е-ентины
я плачу
я забываю
свою зелёную муху
упавшую в скорыя воду
пустыню
отчаянно свежего сыра
независимое пепельницы
и
прочее

я не могу больше
я не могу
больше
ничего
писать не могу
и заниматься
охотой на щуку

СЕРЫЙ НОЧЬ

Тираж 250 экземпляров • Тамара Буковская - редактура • Валерий Мишин - дизайн • КонтАКТ: vmishin@mail.wplus.net